

КСЖБ

13

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 40 КОП.

Крокодил

МОСКВА, ФЕВРАЛЬ
1934

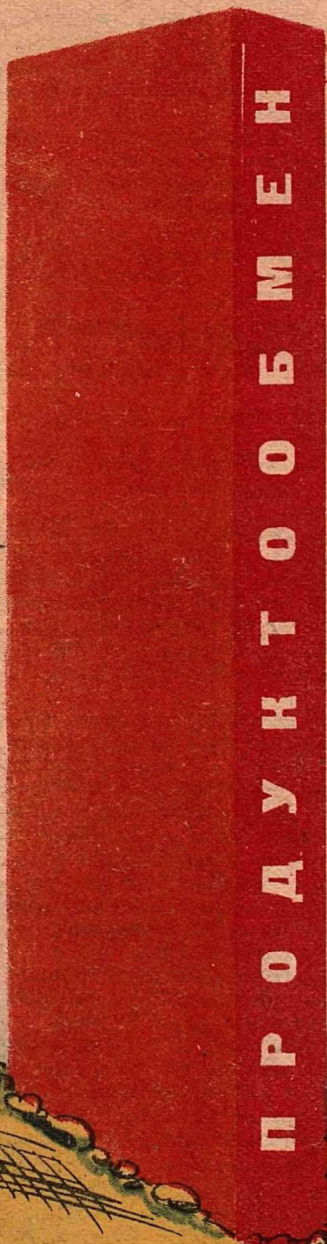
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

№ 5

Рис. Ю. Ганфа

„...Смешно и забавно, что эти люди, неспособные наладить простейшее дело советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена. Но Дон-Кихоты потому и называются Дон-Кихотами, что они лишены элементарного чутья жизни“.

(И. В. Сталин. Отчет на 17-м партсъезде)

**ДОН-КИХОТ:—Один барьер я взял,
а другой мне взять—раз плюнуть!**

1
Весна-красна... Пьянящий воздух,
И пробужденные ручьи,
И долгий день, и небо в звездах,
И ландыши, и соловьи,
И балалайки, и „тальянки“,
И пляс под песни на полянке,
И бег со смехом под откос,
И стекла бус, и ленты кос,
И снова все подобны детям,
И снова всем земля тесна...
И все-таки: для нас не этим
Весна—красна.

2
Не выкинешь из песни слова,
Где слово впаяно хитро:
Так пусть же хоть значение ново,
Раз содержание старо!
Отцов обычаи ломая,
Работу солнечного мая
Под вой метели на дворе
Мы планируем в январе.
Кто на гнедом. Кто на буланом.
Где пар. Где зябь. Где целина.
Мы строим план... И этим планом
Весна—красна.

3
Чтоб урожай не обидеть
Свою Советскую страну,
Нам полагается предвидеть,
А не предчувствовать весну:
И весь февраль сидят правленцы
(Табачный дым—аж настужь сенцы).

И, цифры выстроивши в ряд,
Математически мудрят.
Костяшки прыгают по счетам:
Гектары. Литры. Сорт. Цена.
Учет во всем. И тем учетом
Весна—красна.

4
Вопрос тут в мышцах, а не в нервах,
Мы ждем—и Тверь, и Клин, и Льгов—
Не первых ласточек, а первых
Распоряжений и шагов.
Мы опасаемся сюрпризов:
Погоды каверзных капризов.
Мы самотеку вешних вод
Хотим соорудить оплот.
Мы тщательно сортировкой
Прикидывая семена,
Готовим сев... И подготовкой
Весна—красна.

5
Лишь по-ударному отсеяв,
Мы снова обречем задор:
Заметят Дарьи Алексеев
И Николай—Митродор.
Под балалайки и „тальянки“
Пойдут гулянки на полянке.
Сойдутся в общий хоровод
И тракторист и счетовод.
Разгула цифрами не числи.
Раз время есть,—так, мать-честна!
Тут может быть и в старом смысле
Весна—красна!

А. Д'АКТИЛЬ

Хотя племянница у меня безусловно миро-
вая, но я её интересовался мало, как и вооб-
ще молодыми девушками. Однако направ-
ляясь в гости к ее родителям, я вспомнил,
что появляться в комнате, в которой растет
девушка, без подарка просто неудобно. Долго
я пытался установить возраст и вкусы этой
молодой особы; ничего не установил, плюнул
и купил ей книжку.

Представьте себе мою растерянность, когда я
проник в комнату своих родственников: в
комнате осталась налицо только моя племян-
ница!

На мое появление она обратила мало вни-
мания; глянула искоса и равнодушно сказала:
— Мама придет. И папа придет.

— А скоро?
Она ничего не ответила, так как в этот
момент усиленно смачивала собственным язы-
ком тусклую поверхность переводной картинки.

Я сел рядом с племянницей и мучительно
искал тему для разговора. Наконец меня осе-
нило: я вспомнил о книжке.

— Муся, а я тебе подарок принес.
— А какой?
— Книжку.
— А какую?
— Вот эту. Это — букварь. Ты уже девушка
не молоденькая...
— Да, я скоро буду пятилетка.
— В том-то и дело. Значит, тебе пора лик-
видировать свою неграмотность.

— А как?
— По этой книжке. Ты выучишь все буквы,
затем научишься из них составлять слова...
Муся взяла букварь, перевернула его квер-
ху ногами, посмотрела внимательно на азбуку
и сообщила:

— Я буквов много знаю и слова из них
умею сделать. А ты умеешь?
— Муся, — внушительно сказал я, — сейчас
приступаю к ликвидации твоей неграмотности.
Вот, смотри и запоминай!

Я взял у нее из рук букварь, положил на
стол и начал показывать буквы:

— „А“, „бе“, „ве“...
Она меня быстро перебила:
— А ты подряд.

— Я подряд и показываю. Вот: „ге“, „де“,

„е“.

Дальше Муся прослушала спокойно и очень
внимательно. Раза два хотела перебить, но
промолчала. Голова ее, видимо, усиленно ра-
ботала, между бровей ниточкой сложилась
морщинка.

Я кончил азбуку. Морщинка исчезла с Му-
синого лба, а в ее serene глазах появи-
лись веселые искорки. Дрожащим от сдержива-
емого смеха голосом она спросила:

— А как из этих буквов слова делать?
— Очень просто. Вот буква „бе“, вот „а“.

Я складываю: б-а и еще раз б-а. Получается
„баба“.

Муся рассмеялась самым звонким смехом,
который был в ее распоряжении.

— Ты что? — изумленно спросил я.
— Ты смешной. Вот такой, — она широко
развела руки, чтобы показать размеры моей
комичности, — смешной! Ты не знаешь буквов
и не умеешь делать из них слов. Я сейчас... —
Тут она задумалась, как бы вспоминая что-то,
и с паузами повторила мою фразу: — Присту-
паю... к лик...лика...ликация... — Кли-квца-ца
твоей... неграмотности...

Пользуясь моей оторопелостью, она взяла
букварь, положила перед моими глазами и
дала мне следующий урок.

— После буквы „а“ идет не „бе“, а „эн“. Бу-
ква „бе“ идет после „ле“. Буквы ты выучил, а
подряд их еще не знаешь.

Она водила пальчиком по самым разнооб-
разным местам букваря и продолжала:

— „Эс“, потом „те“—это правильно. А после
„те“ надо не „у“, а „зе“. „СТЗ“ и „Це“, „Че“ —
правильно. А потом никакого не „ша“ идет, а
простое „о“. „ЦЧО“. После „А“ идет „эн“ и
„тэ“, „АНТ“... четырнадцать.

Я начинал понимать ее букварь, „букварь
пятилетки“. А она поучала с нарастающей го-
рячностью.

— И начинается не с „А“. „АНТ-14“, это —
потом. Начинается с „ве“. Так начинается: „ве“,
„ка“, „пе“, „бе“ „ВКП(б)“. А потом уже идут:
„дэ“, „ге“, „эс“, — ДГЭС, „АНТ-14“, „СТЗ“, „ЦЧО“.

А слова „баба“ нет. Из этих буквов такие
слова: Ленин, Сталин, Магнитогорск, Беломор-
ский канал, колхоз, Муся... — показала она
пальцем уже не в букварь, а на себя.

Я радостно и сконфуженно молчал. Мусин
букварь, букварь пятилетки победил.

ВЛ. ПАВЛОВ

ВЕРБЛЮД И БЛОХИ

Есть персидская сказка о том, как блохи с'ели верблюда в степи:

— Шел старый верблюд и почесывался. Блохи его кусали.

— Блохи?

— Блохи. А вдруг сбоку тигр. Прыг на верблюда — и отхватил ему ухо.

Так и пошел верблюд безухий. А с другого боку — волк. Прыг на верблюда — и отгрыз ему хвост. Так и пропал верблюд.

— Как пропал? Ну уха нет, хвоста нет, а где же все остальное?

— Как, где остальное? А где же блохи? Они остальное и доели.

Буквально такой же трагически загадочный случай произошел в колхозе
„Безбожник“ (Богучарский район, ЦЧО), но на этот раз не с одним верблю-
дом, а с 279 кроликами.

На кролиководческой ферме совершенно исчезли все кролики. Для выяс-
нения этого загадочного происшествия была создана специальная комиссия.
Комиссия обдумала создавшееся положение и зафиксировала его в протоколе,
который мы приводим во всей его пышной неприкосновенности и без всяких
снижающих его значение комментариев:

„Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе 3 человек — инструктор по
животноводству Чернобровый Н. С., ветстароста Бондарев Г. Ф. и заведующий
КТФ Матузок Э. П. составили настоящий акт в нижеследующем:

Комиссия обнаружила на КТФ в колхозе „Безбожник“ хищников, которые
расхитили кролей: семь штук хорей, яких комиссия половила и побила. Комиссия
кладет на каждого хоря по 20 шт. кролей; итого подавили хори 140 кролей.
Еще комиссия обнаружила и побила двух хомяков, на яких комиссия на двух
кладет в среднем по 10 штук; итого хомяки подавили кролей 20 штук. Еще ко-
миссия обнаружила лисицу, яка не меньше взяла, як 20 штук, и яку бачили
люди, як она бегала. Еще комиссия обнаружила 2 собаки, яких, як хочь, по
10 штук взяли; итого 20 штук. Еще комиссия обнаружила 2 кошки, на яких
комиссия кладет 15 штук; итого похищено 30 штук. Еще комиссия обнаружила
2 ласки, яких уничтожили кролей по 10 штук; итого 20 штук. И последних хищ-
ников комиссия обнаружила 2 ежика, на яких комиссия кладет на двоих
9 кролей. Итого комиссия обнаружила расхищено хищниками 279 кролей, на
что и составлен настоящий акт“.

Если бы число исчезнувших кроликов было бы на 25—30 штук больше,
трагическая смерть последних двух десятков наверняка была бы приписана
пойманной поблизости стрекозе и двум ящерицам.

НЕЗАМЕНИМЫЙ СПЕЦИАЛИСТ

„Мы—высшая раса, и фашизм покорит низшие расы, как Рим покорил мир“.

(Из сентенций Адольфа Розенберга).

Банкет затянулся до ночи. Между холодными закусками и рыбой говорили о низших расах и способах их уничтожения. После рыбы перешли к телятине и высшим расам и закончили шампанским и тоской по Юлие Цезаре.

— Низшие расы есть,—сказал последний оратор, икнув и загибая пальцы,—высшие расы есть; нехватает Юлия Цезаря, и мир будет наш...

Доктор Адольф Розенберг обиженно выслушал оратора, загадочно улыбнулся и ушел домой, а утром проснулся в тревожном настроении и сердито велел доставить к себе в кабинет одного Юлия Цезаря и двух портных.

— Цезаря мраморного,—сказал он камердинеру,—а не найдешь—гипсового.

— А портных обязательно мраморных, ваше превосходительство, или тоже можно гипсовых?

— Портных живых. И обязательно арийцев.

Через полчаса один Юлий Цезарь и два портных уже стояли в кабинете Розенберга. Гипсовый Цезарь с вытянутой в неизвестном направлении рукой, портные—с почтительно опущенными.

— Приоденьте,—коротко приказал Розенберг.

— Цезаря?—спросили портные.—Разрешите на них серый костюмчик или коричневый?

— Не его, а меня. Шейте тогу. Как у него.

— Прикажете веселенькую тогу в голубую крапинку—для выходов, или зелененькую—для приемов?

— Обыкновенную. Для выхода молодого человека высшей расы в историю. Хочу завоевать мир. Засиделся я что-то в последнее время.

Через двое суток портные принесли тогу, и камердинер перестал пускать в кабинет посторонних.

— Господин доктор занят,—таинственно докладывал он посетителям.

— Кофе пьют?

— Никак нет. Кофе они уже пили. Сейчас изволят завоевывать мир.

— Один завоевывает?

— Никак нет: вдвоем-с. С доктором Юлием Цезарем. Ихний знакомый из высшей расы.

— И ничего?

— Пока тихие. Очень огорчаются, что с тем доктором договориться трудно по причине их гипсового состояния. Наши разговаривают, а те молчат больше.

Розенберг мрачно ходил по кабинету, присматривался к статуе Цезаря и находу обучался историческим фразам и позам.

— Ногу надо так... Руку вот так, с вывертом! Голову кверху... Раз, два... Начинаю... „Высшие расы! Сарынь на кичку!“ Нет, это, кажется, не по-римски. Обидятся. „Низшие расы! Спасайся, кто может!“ Не хорошо. Точно на погромах. Еще рейхстаг вспомнят. „Арийцы! После меня хоть погром!“ Нет, не то. „Славяне! Рассыпья!“ Мелко. Точно полуротой командую...

Розенберг сердито ткнул статую Цезаря ногой и устало вздохнул.

— Молчишь, как проклятый... Не хочешь товарищу помочь? А еще высшая раса, римлянин чортов!.. Начнем сначала... „Расы, выходи на левую руку!“ Не го... „Арийцы, хватай его за ногу!“ Нельзя. Это больше для полиции, чем для истории... Умел же вот этот, гипсовый, разговаривать... И рижского политехникума не кончал, а разговаривал... Послушайте, как вас... Кай! Юлий Цезарь! Молчит, как вагоновожатый низшей расы...

На шестые сутки, небритый, с тиком в левом виске, Розенберг сидел за картой Европы в уголке кабинета и шептал, злобно поглядывая на Цезаря.

— Галлию завоевал?.. Пришел, увидел, победил? Мне легче будет. Он пешком шел, а теперь транспорт. Купе, плацкарты, буфеты на станциях... Испанию завоевал? Приеду, завоюю. А может, и сама завоюется. Низшая раса,—все равно. Давать ей некуда. Россию завоевал? Впрочем, кажется, тогда ее еще не было. Хитрый был Кай Юлий. До СССР устроился. Пустяки. Приду, увижу, начну побеждать... А вдруг не кончу?..

Розенберг тревожно оглянулся, взял синий карандаш, перечеркнул на карте территорию СССР большим крестом и размашисто подписал:

„Считать побежденной. А. Р.“

На девятые сутки камердинер подавал завтрак, осторожно приотворяя дверь и ставя его на пол.

Розенберг сидел на книжном шкафу и рычал:

— Африку завоевал... Южная Америка—уже... Западная Австралия—готова... Мадагаскар и Тула покорились... Гвинея и Кострома держатся последние сутки... Мама, мама, зачем мучают твоего бедного сына?..

На семнадцатый день родственники и соседи привели доктора.

Доктор осмотрел Розенберга, выслушал пульс, постучал почтительно по селезенке и вздохнул.

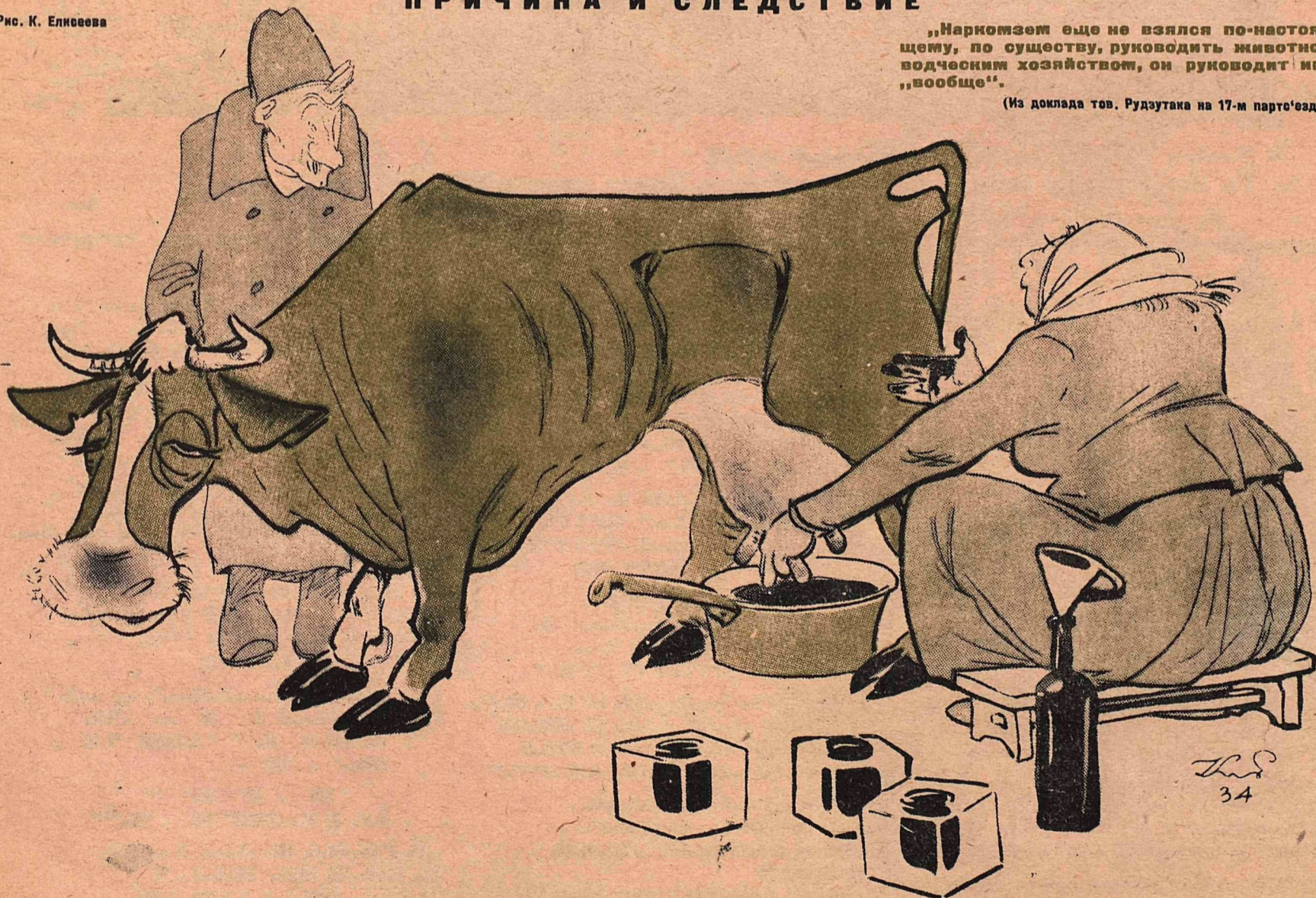
— Увезете в лечебницу?—осторожно спросил камердинер.

— Нет,—подумав, ответил доктор,—больному еще надо выступать по вопросам иностранной политики. Все-таки незаменимый специалист!

Арк. БУХОВ

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Рис. К. Елюшева

„Наркомзем еще не взялся по-настоящему, по существу, руководить животноводческим хозяйством, он руководит им „вообще“.

(Из доклада тов. Рудзутака на 17-м партсъезде)

— Что за чудеса? У коровы чернила вместо молока!
— А это ее Наркомзем циркулярами кормит.

(Тема Е. Панина)

Рис. А. Топикова

— С чего это ты вдруг умываться стал?
— За культурную жизнь голосовать иду, — руку подымать придется...

(Тема М. Глушкова)

РАССКАЗ О ЖЕНЩИНЕ

Она вошла походкою упрямой,
И с ней поля шагнули за порог,
К ее ногам прилипли килограммы
Дождями растревоженных дорог.

Головки льна, просохшие под ветром,
Упали с телогрейки шерстяной.
Районные глухие километры
Пройденными лежали за спиной.

Околицами, улицами, трактом
Она несла известия для нас...
Ее вопрос:

— Который здесь редактор? —
Таил в себе мучительный рассказ.

На стул, указанный, по-деловому села
Без робости у самого стола...
И лишь рукам, тоскующим без дела,
Смутясь немного, места не нашла.

И знали мы, под этими руками
С утра робел и падал в поле лен...
Такая не шагает с пустяками
В газету двухполосную в район.

Был карандаш редактора послушен
Руке ее внимательной. И вот
Рассказ его бесхитростный прослушан
И занесен в редакторский блокнот.

...Идут дожди. В полях брут вороны.
Мутна вода в поднявшейся реке,
Склонись над пестрой картой района,
Увидишь точку в дальнем уголке:
Колхоз „Восход“, он не был знаменитым:
Среди гектаров поднятой земли
Работой переполненные дни там,
Как у других, сменялись и текли.

Из города работники не часто
Заглядывали. Нечего таить!...
В колхозе есть свои энтузиасты,
Есть нытики и лодыри свои.

Есть лодыри. Ни речи ни угроза
Не действуют на их слюняйский быт...
Но только председателя колхоза
В слюняйстве... ни один не победит!

Он званье предколхоза не без форсу
Поднять способен хоть до облаков.
В его работе мы находим пользу,
Но пользу... для врагов, для кулаков.

Втереть очки — его любое дело,
Надуть район — ему и горя нет...
Живет он с поговоркой оголтелой,
С поговоркой:

„Семь бед — один ответ!“

Сгноил овес. Не быть в почете тоннам
Льняных снопов, проросших муравой.

Но, если верить сводням разграфлен-
ным,
Колхоз у нас как есть передовой!

Работе мы и рады и не рады:
Взмахнешь косой, и не идет коса!..
У этой шляпы лучшие бригады
И те в работе начали скисать.

Вчера он пил до ризоположенья,
Гуляли с ним четыре свояка...
На нашей ферме нынче без сомненья
Недоучет по плану молока.

Вот эта размагниченная свора
На-днях по пьянке, будто свесела,
Дементьева — активного селькора —
Избила и работу замела.

В руках у нас позорных действий нити,
Улики — вот они, не за стеной...
Избавьте нас от пьяницы, снимите!
Хоть прихожусь...

Но вы уж извините,
Ему я, председателю... женой!

...Она умолкла. Но между строками
Ее высокий голос затаен...
Такие не приходят с пустяками
В родную, двухполосную, в район.

ИВАН МОЛЧАНОВ

РАЗГОВОР О РУКОВОДИТЕЛЯХ

Поезд шел из Москвы в Архангельск. За окном в дымке тихой зимней грусти простирался вологодский пейзаж.

В нашем купе было шумно. Шумел пучеглазый пассажир юрисконсультского облика. Из уст его бил неудержимо зычный Лок-Батан красноречия. Его лысоватому собеседнику с трудом удавалось поддать в разговоре хотя бы самую маленькую реплику. Я лежал на верхней полке, слушал. Шумный пассажир говорил:

— Серебренникова знали? Товарища Серебренникова—бывшего руководителя сплавного объединения. Не знали? Нет? Очень, очень жаль. Ну, я вам прямо и откровенно скажу,— вот это человек! Этот на других не взвалит. Этот лучше на себе повезет. Сам составит и акт, и доклад, и проектную записку. Сам напишет, сам подпишет. У других—администраторские замашки. У других подчиненные выполняют и то, и другое, и третье. А этот—сам. Сам один так навьютится,— ну, прямо мул, верблюд из Сахары. Иной раз на него посмотришь, верите ли, прослезитесь. До чего же человек труженик; до чего же один—за всех, один—за все. И план, и промфинплан, и зарплата, и контокоррент, и ОРС, и тоннаж, и такелаж— все на нем. Что? Другие? Да разве такой человек другим доверится? Сам же и на счетах щелкает,

сам листы для ведомости разлиняет. Сам рисует таблички для отделов: „Просьба не курить“ „Прием от и до...“ Другие? Другим, что? Другие, конечно, пользовались добротой. А вот я про себя скажу. За таким человеком всегда я готов и в огонь и в воду. По гроб жизни. Вот. За таким, как тов. Серебренников, человеком...

— А где теперь этот человек?

— Сняли...

— Ну, а вы?

— А я на прежнем месте. Я здесь не при чем. Сняли тов. Серебренникова за прорыв. Прислали другого. Товарища Марцинчика. Не знаете? Откровенно скажу, не человек. Нет, не то. Не та повадка. Благородства души не чувствуется. Обыкновенная администраторская жилка: „Будьте любезны, сделайте“, „Прошу выполнить точно в срок“, „Отговорок не принимаю“.

Люди в нашем объединении, конечно, отвыкли от такого обращения. Разве ж можно сравнить?

При товарище Серебренникове зав. плановым сектором Нехорошков в лыжном походе шесть дней пропал, на седьмой—пришел. „Что, не спрашивал меня тов. Серебренников?“—„Нет, не спрашивал. Мало у него своих дел и без вас!“ Агент Спичкин отлучался. Маклецова из бухгалтерии вышла замуж и уезжала без спроса пожить к родным мужа...

И вот приходит новый этот руководитель Марцинчик и заявляет.

— Я отвечаю за все объединение. И именно поэтому я буду с вас спрашивать. Отговорки не принимаются, прошу выполнять точно в срок... Кстати, как у вас с планами, тов. Нехорошков? Тов. Маклецова, завтра утром представьте мне сведения о задолженности по зарплате. Тов. Бойко, почему в столовой штукатура валится с потолка прямо на столы? Ремонтировать кто, дядя будет? Позаботьтесь, тов. Бойко. А вы, тов. Февральский, почему выдаете ударникам пюре из мороженого картофеля?.. А вы?..

Всех возьмет в работу. Посудите, как это нашим людям сносить после Серебренникова. Прямо и откровенно скажу,— люди недовольны. Я вот в командировке был. Теперь возвращаюсь. Уж и не знаю, право, застану ли его на месте? Удержится ли?..

„Застанешь. Удержится! — уверенно подумал я, сходя на станции Сухона. — А вот останешься и удержишься ли ты при таком руководителе, очень и очень сомневаюсь!“

Поезд ушел.

После шумного, прогретого, как колба, купе, меня окружила холодная тишина колючей ели, хрупких березок и белого пушистого снега.

Л. МИТНИЦКИЙ

ПЕРЕД КАРТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

„Известно, что старый Рим третировал их (предков нынешних германцев и французов) „низшей расой“, „варварами“, призванными быть в вечном подчинении „высшей расе“, „великому Риму“, причем, — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней „высшей расы“.“

(И. В. Сталин, Отчет на 17-м партсъезде).

Рис. Л. Бродаты

ОДИН ИЗ ПРЕДКОВ:— Ты все же учти, мой дорогой потомок, что у них есть кое-что, чего не было даже у гордого Рима.

(Тема Я. Бельского)

ДАЕШЬ!

Ушедший мир, гнилой и хилый,
Как зачервивевший сморчок,
Лепил со злобою унылой
На все живое ярлычок.
Как импотент, тупой и старый,
Он ненавидел все и всех, —
Мещанством он считал гитару
И хулиганством — звонкий смех.

Когда испорчен аппетит,
Любое кушанье претит!

Трухой мистических эротик
Испортив тощие мозги,
Он философски морщил ротик,
Не видя впереди ни зги.
И часто на ночь ставя клизмы,
Бездельем томно утомлен,
Он строил зданье пессимизма
В свои страдания влюблен.

И сам себя вгоня в страх,
Жеманно выл: „Все тлен и прах“!

Облюбовав себе словечки,
Он их расставил у ворот,
Как пред иконой ставят свечки,
Чтоб удивить простой народ.
„Бонтон“, „мораль“, „приличье“, „мода“, —
Из этих слов он делал щит,
Чтоб слово смелое — свобода —
Не проникало в жизнь и быт.

Он песню пошлостью считал
И к пляске ненависть питал.

Таков он был... И вот он умер.
Верней, не умер, а убит.
И в молодом победном шуме
Весенний мир вокруг кипит.
Но иногда, как злое эхо,
Скрипучий голос слышен нам:
— Нельзя любить! Не надо смеха!
Нельзя плясать! Потихе там!

И слышится капризный стон:
„Бестактность! Серость! Моветон!“

Эй, звонкий дождь! Веселый ветер!
Промойте пыльное стекло.
Мы жить хотим на красном свете
Вольготно, просто и светло.
Мы любим танец, смех и шутки,
Нам милый голос не претит,
У нас здоровые желудки,
И к жизни зверский аппетит!

Пускай педанта бросит в дрожь,
Мы крикнем весело: „Даешь!“

Даешь гитары, домры, скрипки,
Даешь театры и катки!
Даешь веселые улыбки!
Даешь любовь, даешь стихи!
Даешь девический румянец,
Даешь ребячий звонкий смех!
И пляску бурную, и танец,
И отдых радостный для всех!

А плесень, сплин и хлам гнилой
С дороги радостной — долой!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЛЮБОПЫТСТВО МИЛЛИОНЕРА

Рис. Л. Генча

— Опять ты „Правду“ читаешь?
— А где же я точнее узнаю, что со мной будет в этом году?..

(Том Я. Бельского)

КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Скорый поезд № 22 из Москвы в Ленинград опаздывал на два часа. Было уже около 12 часов, и пассажиры, не предвидевшие опоздания и не захватившие с собой ничего, мучились от утреннего голода и жажды.

Какая-то женщина в белом шерстяном джемпере, в каком бегают на лыжах, вышла в коридор и, обратившись к проводнику, вытиравшему мягкой тряпкой медные ручки дверей, сказала:

— Нет ли у вас чаю или хоть простой воды. Умираю от жажды.

— В головной части поезда есть буфет, идите туда. Только вы зря пробегаете, потому что они на месте не дают, а разносят по вагонам.

— Я не могу ждать, — сказала женщина, — никогда не думала, что можно так страдать от жажды.

Она вышла из вагона и по качающимся на ходу площадкам стала переходить из вагона в вагон.

— Затворяйте двери, что вы холоду напускаете! — кричали на нее в первом же вагоне.

Шляются по вагонам, а там глядишь — чемодана нет, — говорил какой-то человек, у которого над проходом с верхней полки торчали разутые ноги, и проходившие наклонялись перед ними, как перед заставой.

В переднем вагоне, разделенном на две половины, расположился буфет. В другой половине были купе.

На стойке буфета стоял большой белый самовар и на подносе — налитые, позвякивавшие стеклом стаканы.

Женщина, точно путник в безводной пустыне, увидевший родник, подбежала к подносу и, бросив на стойку рублевку, протянула к стакану руку.

Буфетчица в белом халате с рукавами испуганно схватила пассажирку за руку и сказала:

— Гражданка, что вы лапами лезете! Что вам нужно?

— Во-первых, будьте вежливее, а во-вторых, я умираю от жажды, дайте мне чаю.

— Во-первых, — не умрешь, а во-вторых, здесь мы чаю не даем, а разносим по вагонам, — сказала буфетчица и подвинула поднос со стаканами дальше от края стойки.

— Вы ни разу не разносили.

— Вы бы еще спали подольше. Мы два часа назад разносили.

— Я не спала и никакого чаю не видела.

— А вы в каком вагоне? — спросила буфетчица, недоброжелательно посмотрев на пассажирку.

— В последнем.

— Вы бы еще подальше сели. Конечно туда иногда нехватает.

— Так вот и дайте мне здесь.

Буфетчица некоторое время смотрела на пассажирку, потом сказала:

— Вы понимаете, что такое культурное обслуживание? Это когда пассажиры не бросаются целым стадом за кипятком и за чаем, а им приносят в вагон. Идите, вам подадут.

— Но ведь я тридцать восемь дверей прошла, чтобы к вам притти.

— Хотя все сорок восемь... Правила существуют для того, чтобы их исполнять. Вот сейчас понесут чай, тогда и напьетесь.

— Что же его нести, когда я около вас стою!

Из пассажирского отделения вышел какой-то выпивший гражданин и остановился в дверях, прислонившись к притолоке.

— Товарищ буфетчица, почему вы не даете чаю этой симпатичной гражданке? — сказал он, наклонив набок голову и щуря один глаз от дыма папиросы, бывшей у него во рту.

— Потому, что здесь не даем, а разносим по вагонам. Вот почему.

— А, это другое дело... А почему же вы не разносите?

— Потому, что некому разносить.

— Значит, роковой круг получается?..

— Что?

— Круг, говорю, у вас...

— Вы, гражданин, не приставайте с глупостями, а то я вам такой круг покажу, что не опомнитесь. Невежа.

Подвыпивший гражданин обратился к пассажирке, просившей чаю, и сказал:

— Гражданка, придется потерпеть. Формально она права, и не смотрите на налитый чай. Это только увеличивает жажду.

— Васильев! — крикнула буфетчица куда-то за перегородку, — куда Иван делся? Что его никогда на месте нет! А тут приходится скандалы терпеть, да еще чай весь простыл, — прибавила она, потрогав рукой стаканы.

— Кто его знает, придет, — ответил из-за перегородки спокойный мужской голос, — в поезде — не в лесу — совсем не потеряется.

— Будто нарочно: как чай разольешь, так этот болван и смоеся куда-то. Опять выливать придется. Только и делаем. Идите, гражданка, измором не возьмете. Против правил вам ничего не дам.

Женщина, плюнув, вышла и хлопнула дверью.

— Вы не очень хлопайте! — крикнула ей вслед буфетчица, — а то я вас так хлопну, что не опомнитесь. Невежа.

Через полчаса, запыхавшись, прибежал человек в белом фартуке с салфеткой под мышкой, вытянутой в жгут, и утирая усы, торопливо сказал:

— Ну что ж, ты чай-то налила?

Буфетчица молча и прямо посмотрела на вошедшего.

— Где ж тебя черти носят? Он уж простыл давно. Выливай и наливай нового. Спасибо, сахару не положила.

Человек с салфеткой начал торопливо опрокидывать стакан за стаканом в таз и подставлять буфетчице. А та высоко поднимая чайник и разливая тонкой струей черный, перепревший чай, сказала:

— Нашу публику к культурному обслуживанию приучить, — это все равно, что корову выучить за стол садиться. Сейчас одна сюда разлетелась, чаю ей давайте, пить очень захотела. Пойдешь разносить чай, отнеси ей в последний вагон, пусть приучается к порядку.

Человек с салфеткой, держа опрокинутый стакан в руке, посмотрел на буфетчицу и сказал:

— Ты в уме?.. Нешто туда донесешь, — туда тридцать восемь дверей надо пройти.

— Опять круг... — сказал подвыпивший пассажир.

П. РОМАНОВ

НЕ СОВСЕМ ПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Рис. и тема К. Ротова

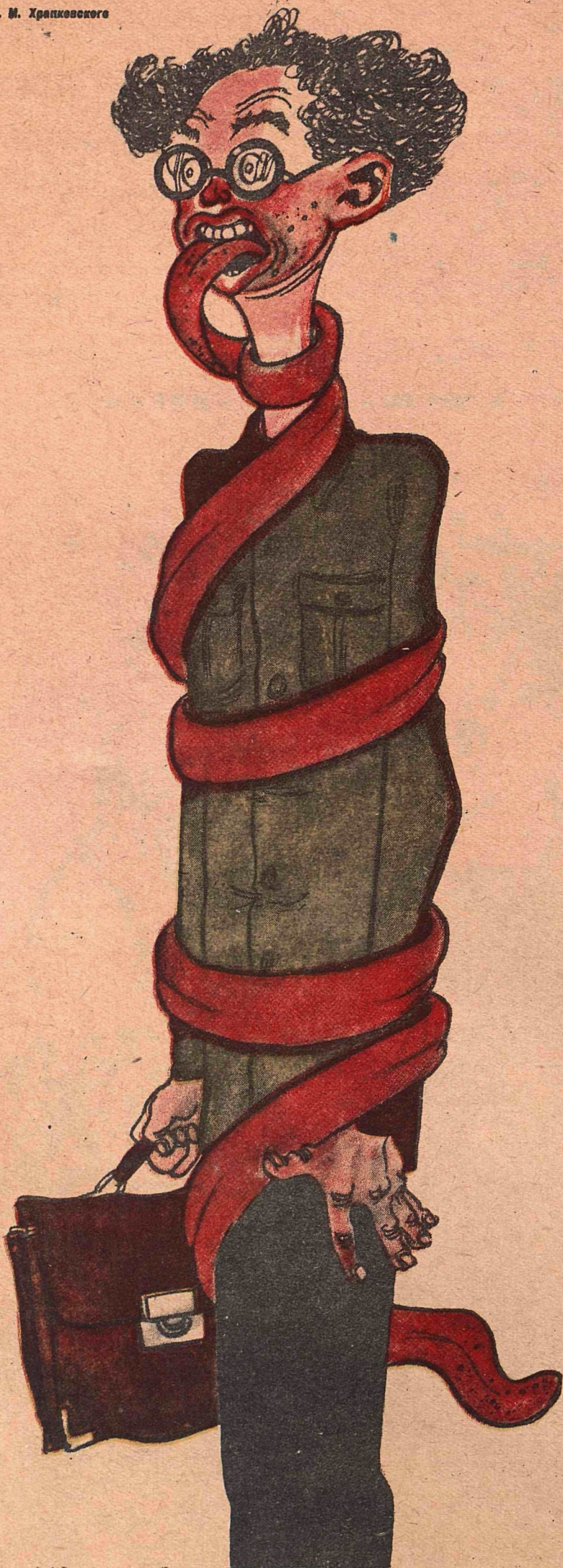

— ТАК И ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО БАНКА ИЗ НАШЕГО ЦЕХА... ПО ЗНАМЕНИ УЗНАЮ.

„Точь в точь так, как охарактеризовал недавно один украинский рабочий, когда его спросили о наличии линии в этой организации: „Что же линия... Линия, конечно, есть, только работы не видно“.

(И. В. Сталин. Отчет на 17-м партсъезде)

Рис. М. Храпковского

ЯЗЫК, КОТОРЫЙ ДОВЕДЕТ И ДО КИЕВА И ДО МОСКВЫ,
НО ТОЛЬКО НЕ ДО РАБОТЫ.

(Тема Я. Бельского)

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Кольку Ванькина прогнали с должности младшего конторщика за прогул и за хищение канцелярских принадлежностей. Колька Ванькин, однако, не впал в уныние и даже не выругался.

— Будя, — заявил он приятелям, — достаточно насиделся в дыре. Такая жизнь абсолютно не соответствует моим данным. Теперь всецело отдамся литературе.

— Ты б грамоте сперва подучился...

— Дело наше, а не ваше. Когда-нибудь услышите обо мне!

После этого Колька Ванькин дня три просидел дома, пытаясь написать роман или сочинить колхозную поэму. В полном объеме замысел его не осуществился, но все-таки ему удалось сотворить четыре строки:

„Из вагона слежу упоенно я,
Как мелькает вечерняя зга,
И бегут золотисто-зеленые
Трудоднями взращенные га!“

— Ладно, — успокоился он, — для начала хватит. С таким багажом не пропадают.

Войти в литературу Колька Ванькин решил через научно-популярный журнал „Высоты техники“.

— Ванькин — мое фамилие, — отрекомендовался он заместителю редактора. — Но это, как говорится, для сведения редакции, а читательским массам я известен под псевдонимом Иракий Кронюв!

— Как же, знаю, — любезно, но неуверенно произнес зам. редактора. — Чем мог бы служить?

— Дело вот в чем: редакция „Красного луча“ и наша писательская организация направляют меня в Магнитогорск. Творческая командировка. Но так как, видите ли, по образованию я — инженер, то у меня и мелькнула мысль использовать отчасти эту командировку в интересах „Высот техники“. Ну, несколько научно-технических очерков...

Зам. редактора заговорил было об ограниченности гонорарной сметы и скромности бюджета, но Колька Ванькин быстро и строго возразил:

— Вы меня не поняли. Гонорарный вопрос меня не интересует. Ни аванса, ни обязательств с вашей стороны совершенно не требуется. Просто хотелось бы разносторонне использовать поездку. Потому что „Красному лучу“ моя техническая осведомленность не нужна. „Красный луч“ ждет от меня образцов, путевых впечатлений...

„Из вагона слежу утомленно я,
Как мелькает вечерняя зга,
И бегут золотисто-зеленые
Трудоднями взращенные га!“

— Это ваше? — спросил зам. редактора.

— Сейчас создается, — ответил Колька Ванькин. — Да, между прочим, вы все-таки напишите мне бумажку об оказании содействия. Потому что одно дело — бумажка от художественного издания и другое — от специального...

Из „Высот техники“ Колька Ванькин пошел в „Красный луч“. — Иракий Кронюв! Дело вот в чем: в редакции „Высоты техники“ меня случайно знают не только как писателя и поэта, но и как инженера по образованию... Поэтому они предложили мне командировку в Магнитогорск. Несколько специальную, как видите... Вот. Но хотелось бы, конечно, использовать такую поездку и по своей основной специальности: как писателю и поэту.

— Конечно следует, — согласились с Колькой Ванькиным.

— Тем более, — сказал Колька, — что по пути я загляну в крупные колхозы, в совхозы.

И продекламировал:

„Из вагона смотрю полусонно я,
Как мелькает вечерняя зга,
И бегут золотисто-зеленые
Трудоднями взращенные га!“

— Ваше?

— Сейчас отлито. Экспромтом. Да, кстати, об условиях. Вы сами понимаете, что в деньгах я не нуждаюсь... Не будем поэтом говорить о серьезном авансе, а так — ну, рублей триста.

— Но...

— Для порядка. Я откровенно скажу: наш брат, писатель с именем, надаёт обещаний десяти издательствам, разбросается и ничего не делает. Ну, а договор и аванс все-таки обязывают. Триста рублей — пустяк, мне они не нужны, но зато вы себя гарантируете.

Все это, вот то, что я рассказал, было сравнительно давно. А совсем недавно Колька Ванькин зашел ко мне.

— Существуешь? — спросил я.

— Живу. Опять вот в Москве думаю засесть. Скучновато, знаешь, в провинции... Конечно нашего брата, писателя, там с руками рвут: я и научным консультантом треста был, и лектором, и художественным руководителем театра, но все это — не то!.. И неприятностей много... Ну их! Возвращаюсь к чисто литературной работе.

— Пишешь что-нибудь?

— Задумал, — сказал Колька Ванькин. — Поэму. О зажиточном колхозе.

И прочитал:

„Из вагона слежу затаенно я,
Как мелькает вечерняя зга,
И бегут золотисто-зеленые...“

— Постой, а что такое „зга“?

— Ну, вот! Говорят же: „зги не видать“!

— А ты вот видел. Мелькала она. Что же это такое?

— А, ну тебя!.. Слушай, пойдем-ка лучше в театр. Я приглашаю.

— А билеты?

— Сейчас, — лениво сказал Колька и подошел к телефону:

— ...Да. Будьте добры, администратор! Товарищ администратор?..

Колька перешел с ленивого тона на внушительно властный и с тенора на баритон:

(Продолжение на 9-й стр.)

— Это говорит Глыбин. Да, да, Глыбин. Будьте любезны оставить мне на сегодня два места. Да, да! Да, я сам приду. Спасибо! Колька повесил трубку, сел и сказал:
 — Очень просто. И ни копейки не стоит.
 — А кто такой Глыбин?
 — Не знаю. Пожалуй, такого и вовсе нет на свете...

— А почему ж ему оставляют бесплатные места?
 — Вот чудак! — удивился Колька Ванькин. — Если человек звонит и требует, то имеет, стало быть, право. Как же ему отказать? И добавил поучительно:
 Не все же жулики. Без доверия, брат, тоже нельзя!

ГРАМЕН

ТУЛЬСКАЯ ТЕХНИКА

В Туле одна баня на весь город, в нее пускают моющихся по звонкам — ровно на сорок пять минут, после чего даже недомывшиеся должны покинуть баню.

Рис. К. Ротва

СЕАНС ОКОНЧЕН! ВЫМЕТАЙТЕСЬ, ГРАЖДАНЕ!

Тема А. Б.

„Хранение тракторов и машин неудовлетворительно. Ремонт также неудовлетворителен, ибо до сих пор еще не хотят понять, что основу ремонта составляет текущий и средний ремонт, а не капитальный“.

(И. В. Сталин. Отчет 17-му партсезду)

Началось все это с кастрюли. С простой и мало заковыристой штуки — с алюминиевой кастрюли.

Евдокия Золотарева — она работает у нас в штамповочном цехе — зашла в универмаг купить кастрюлю. Сначала все шло очень хорошо и, можно сказать, благополучно. Евдокия Золотарева внимательно осмотрела кастрюлю. Щелкнула ее, и кастрюля по привычке издала глухой звук. Затем товарищ Золотарева спрашивалась о цене — и молча стала в очередь к кассе. Уплатила деньги. Получила чек. Направилась обратно к продавцу, чтоб получить кастрюлю.

И вот тут-то стряслось! То, что увидела Евдокия Золотарева, заставило ее затрепетать. Если бы в эту минуту спросили Золотареву, как ее фамилия и какой у нее производственный стаж, ей-ей, не ответила бы.

Да, Евдокия Золотарева совершенно обалдела и на мгновение потеряла дар речи. Она увидела сон на яву... Феерию. Сказку. Она увидела: продавец заботливо заворачивал кастрюлю, купленную Золотаревой, в бумагу и...

И — страшно вымолвила! — аккуратно и вместе с тем изящно завязывал шпагатом.

Сдерживая волнение, товарищ Золотарева подошла к продавцу и вручила ему чек. Продавец отдал ей покупку и...

И еще сильнее прежнего затрепетала Золотарева. Свершилось невозможное:

Продавец улыбнулся!

Да, мы не преувеличиваем. Мы чувствуем всю ответственность того, о чем здесь рассказываем. Факт! Продавец улыбнулся так вежливо и деликатно: дескать, благодарим вас и просим почаще заходить в наш магазин...

Евдокия Золотарева держала в руках покупку, стояла растерянная и не могла двинуться с места. Что же это такое? Казалось бы совсем трезвый, а улыбается! Разве в магазинах продавцы улыбаются? Почему он не сунул ей кастрюлю в нос и не отвернулся хмуро к стене?

Или, может, дьявол, заигрывает? Нет! Евдокия видит: он так же ласково улыбается и какому-то старичку, купившему чайник.

Евдокия шла домой. Всю дорогу точил ее сердце червь сомнения. Наверно, какое-нибудь жульничество! Всучил, окаянный, дырявую кастрюлю и еще насмехается.

Пришла домой, проверила кастрюлю и так и этак. Никакого изъяна. Все в точности. Чего же он улыбался?

Евдокия — к соседу: так, мол, и так, случилось невероятное. А сосед серьезно и рассудительно отвечает:

— Газету надо, милая, читать. А в газете напечатана речь товарища Микояна на партийном съезде. А говорил он насчет культурной торговли. Чтоб продукт был хороший и обращение хорошее.

— Обязательно прочту, — отвечает Евдокия, — только вот сбегаю в кооперацию за хлебом.

Евдокия Золотарева пошла за хлебом, и тут-то начинается вторая глава нашего рассказа.

II

В кооперативе давно небритый и немывшийся продавец угрюмо свесил хлеб, положил его перед Евдокией на мокрый прилавок и сердито отвернулся, точно Евдокия кровно обидела его. Хлеб был грязный и плохо выпеченный.

Евдокия попросила продавца сменить хлеб. Он молчал, гордый и непреклонный, как гранитная скала. Евдокия повторила свою просьбу. Продавец рассвирепел.

— Не нравится, не бери! Шляются тут всякие...

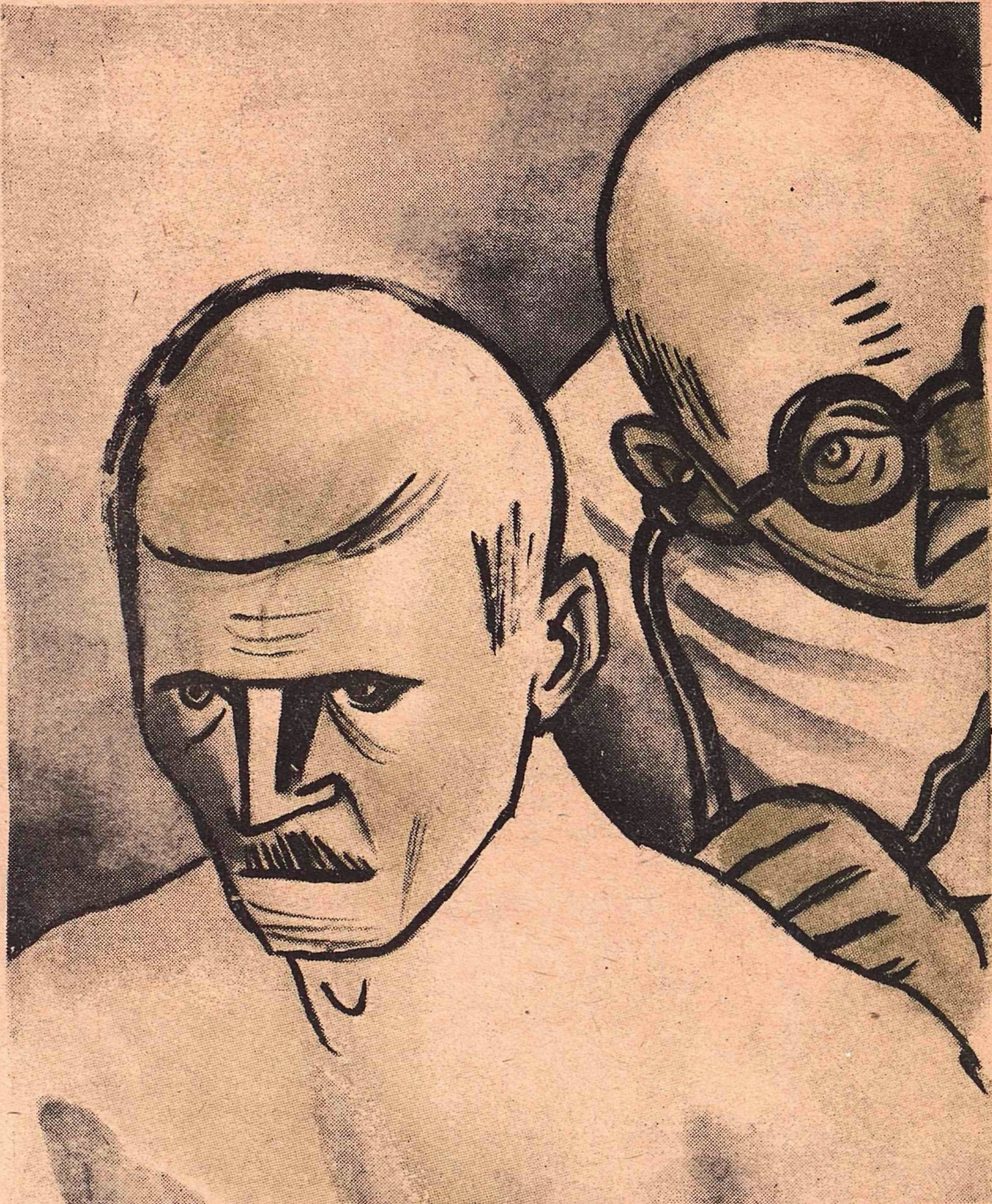
Евдокия Золотарева недоумевала:

— Почему это на одних действует Микоян, а на других не действует?

Она пошла к заведующему. В его кабинете было много людей. Каждый на что-то жаловался. Заведующий внимательно выслушивал. Так же внимательно он отнесся к заявлению Золотаревой.

— Дорогой товарищ! — сказал он, и голос его звучал тепло и проникновенно. — Дорогой товарищ! Мы горячо приветствуем инициативу широких трудящихся масс, указывающих нам на наши недостатки и недостатки. Подходя к этому вопросу диалектически, мы должны с вами констатировать положительное явление, а именно рост сознательности и активности наших пайщиков, особенно по линии печен-

Рис. Л. Бродаты

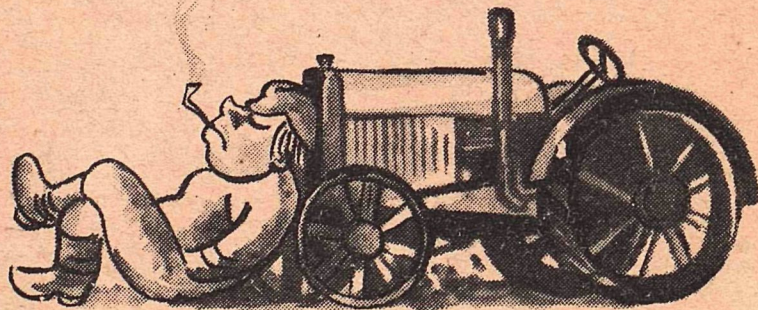

ДОКТОР: — Зайдите через год. Пока только гриппок. По- дождем, туберкулезик разовьется, тогда полечим...

От редакции: Что за вздор! Ведь в лечебных учреждениях СССР этого никогда не случается...

Верно, не случается. Но зато случается в некоторых МТС и МТМ, где частенько ждут, пока „гриппок“ у трактора разовьется в „туберкулез“, и тогда только берутся за лечение.

(Тема Ю. Галяфа)

ного хлеба и на фронте борьбы за культурную торговлю. Правда, в этой области у нас уже наблюдаются некоторые сдвиги, но...

Речь почтенного оратора была внезапно прервана громким ребячьим криком:

— Мама, это — он!

Все обернулись и увидели: мальчишка лет одиннадцати, в пионерском галстуке, схватил ручонкой мамашу за рукав, а указательным пальцем второй руки указывал на заведующего. Мальчишка восторженно смотрел на него и все время твердил:

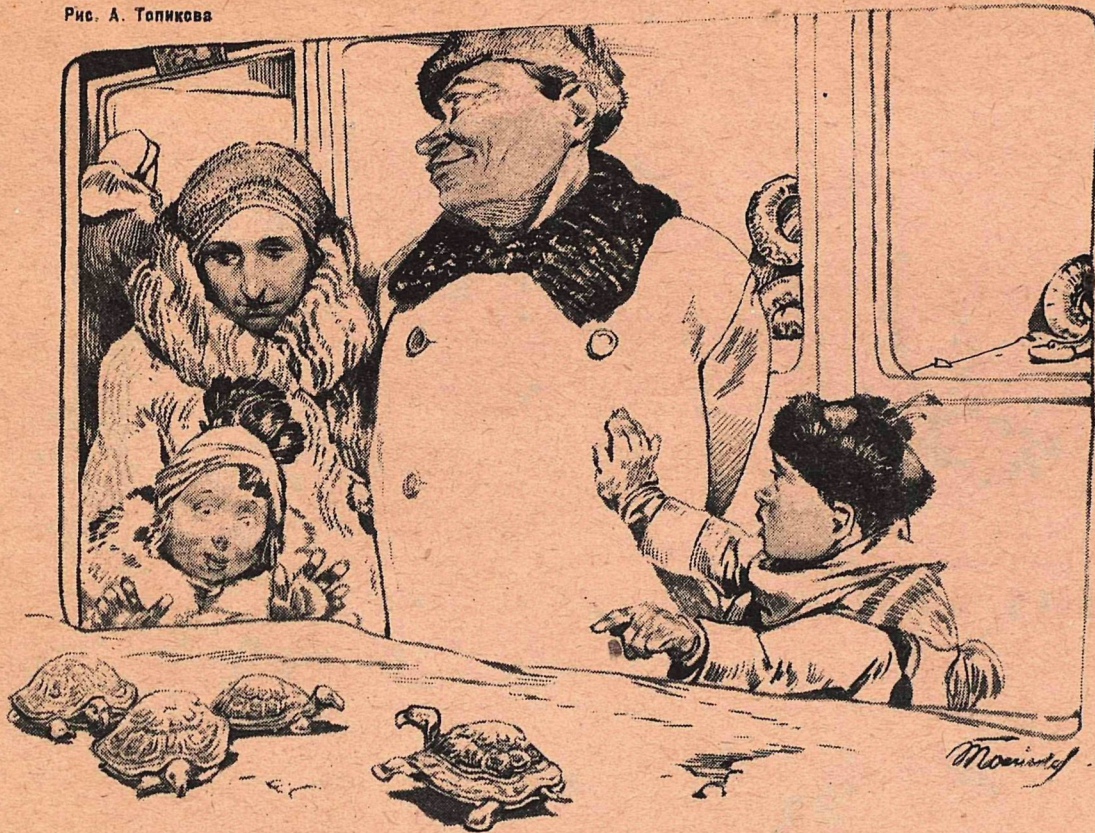
— Мама, это — он!

— Кто он?

— Наконец то увидел. Живого. Понимаешь, мама, мы в отряде прорабатываем доклад Сталина на партсезде. Там сказано о „честных болтунах“. А я не понимал, что это такое. А теперь понял. Спасибо, дяденька!

Мальчишка стремительно выбежал из кабинета. Что было дальше и чем закончилось дело Евдокии Золотаревой, об этом как-нибудь в другой раз.

Г. РЫКЛИН

— Папа, смотри, смотри, орден лодыри ползет...

(Тема В. Апресяна)

ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Способы превращения куриных яиц в носовые платки в достаточной мере уже популяризованы эстрадными фокусниками.

Небогатый, сильно потасканный цилиндр и небольшая ловкость давно немытых рук — вот весь тот несложный аппарат, которым опытный фокусник пользуется для такого превращения.

Но для того чтобы превратить лопату, обыкновенную березовую лопату в не менее обыкновенный лапоть из лыка, требуется аппарат более сложный.

Например аппарат областной базы Немволгсоюза.

Фокус этот проделывается так: берется один многодумный дядя из аппарата, одна рассеянная девица + одна обыкновенная пишущая машинка.

Многодумный дядя из своего кабинета отдает распоряжение заказать Средневожскому крайкоопинсоюзу один вагон березовых лопат.

Рассеянная девица, нехотя отрываясь от переводного романа и сухой пастилы, меланхолично выстукивает вместо вагона с лопатами:

„Один вагон березовых лаптей“.

Многодумный дядя, прожевывая бутерброд, размашисто подписывает заказ, и упомянутый Крайкоопинсоюз получает распоряжение срочно заготовить лапти.

Крайкоопинсоюзские дяди только во имя производственной справедливости заменяют в приказе слово „березовые“ словом „лыковые“ и по многострадальным рельсам, в качестве срочного груза, мчится вагон со свежими лаптями из самого доброкачественного лыка.

На этом фокус превращения лопат в лапти прекращается. Дальше уже начинается иск в 15 тысяч рублей за неприятие лапти и другие чисто административные эффекты, но зрители могут уже расходиться, не дожидаясь конца. Главное показано:

— Желающих просим выйти на сцену и убедиться...

А.

ПОЖАЛУЙТЕ БРИТЬСЯ!

МАРМЕЛАД ДЛЯ СТРАУСОВ

Рассказывать анекдоты о том, как незадачливому покупателю попались гвозди в повидле, стало уже дурным тоном. Теперь в эту надоевшую тему внес некоторое разнообразие

Богородский плодовоощной комбинат, который выпустил мармелад с примесью 25% земляного песка.

Правда, страусы глотают и переваривают даже камни, но из этого отнюдь не следует, что сладкое к чаю нужно приравливать к их желудкам, а не к вкусам потребителя.

НЕ ДОТЯНУЛИ

В каждом производстве есть свои секреты. Так, на ткацкой фабрике в Красно-Пахорском нашли способ доводить

брак по плотности ткани до 89,8%.

Интересно было бы знать, кто это подводит фабрику и потихоньку вырабатывает четыре сотых процента доброкачественной ткани?

ЛИХИЕ СТЕКОЛЬЩИКИ

Мы располагаем печальной информацией о том, что

„Стекольный завод в Мало-вишерском районе выпустил 18 тыс. штук такого лампового стекла, что ни одно из них не входит в горелку“.

А если бы и вошло, что бы оно могло рассказать горелке о директоре завода? Решительно ничего хорошего.

ГОП-КОМПАНИЯ

„Нутко! Анна у Егора, у Антипии Митродора, Александра у Петра — все невесты, всем пора“.

На Московшвейской фабрике № 4 с 8 по 31 декабря забракковано 2 223 пальто.

Ленинградская эртель „Утильвойлок“ выпустила валенки, которые разлезаются после пятидневной носки.

Балтийский завод выпустил 20 тысяч подков, которые разбиваются от удара молотком.

Брак, как воробей: выпустишь — не поймешь. А уж если поймешь, так только нагоняй, от которого не скоро отделаешься.

КОММЕНТАРИИ НЕ ИЗЛИШНИ

Перед нами два документа, которыми обменялись некий начальник и его подчиненный.

Документы самым решительным образом опровергают ни на чем не обоснованное мнение, что в НКПС слабо борются с волокитой и канцелярско-бюрократическими методами руководства.

Вот они эти два документа, так как они есть:

ТЕЛЕГРАММА ИЗ НКПС

Д ОКТЯБРЬСКОЙ ДОРОГИ тов. ЛЕРМОНТОВУ

Ваша дорога в декабре подала под грузы Метростроя всего лишь 240 вагонов вместо установленных правительством 850 вагонов, что составляет к плану 30 проц.

На проверку выходит, что снабжение Метростроя с вашей дороги происходило много ниже общего по всем грузам выполнения плана перевозок.

Отсюда НЕОПРОВЕРЖИМО СЛЕДУЕТ и т. д. и т. п. тра-та-та, тра-та-та... (от редакции).

Такой результат СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О РЕШИТЕЛЬНОМ ЗАБВЕНИИ Метростроя, СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОБ ОТСУТСТВИИ у вас при сравнительной оценке важности ударных строек необходимой перспективны, СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О НЕПОНИМАНИИ ВАМИ РАБОТЫ МЕТРОСТРОЯ, О КОТОРОЙ ЗНАЕТ И ЗА КОТОРОЙ СЛЕДИТ ВСЕ ГРАМОТНЫЙ МИР.

Ваши действия тем более непростительны, что ваша дорога имеет свое специальное политическое руководство, которое сумело бы ВРЯЗУМИТЬ ВАС ПО ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ, если бы вы держали это руководство в курсе своей НИКУДЫШНОЙ РАБОТЫ по снабжению Метростроя.

И т. д. тра-та-та, и еще раз тра-та-та (по 15 коп. за каждое слово). (Редакция).

Обязываю вас по истечении января, НЕЗАВИСИМО ОТ ДЕКАДНОЙ ОТЧЕТНОСТИ, ДОНЕСТИ МНЕ ОСОБОЙ ЗАПИСКОЙ, как выполнен вами план по снабжению Метростроя за январь.

Предваряю, что в противном случае НА ВАС ляжет тягчайшая ответственность.

№ 188

ЦД ПОСТНИКОВ.

Начальник послал телеграмму. Подчиненный немедленно ответил. Оперативность исключительная! Чего ж еще желать?!

ЦД тов. ПОСТНИКОВУ на № 188

Ответственный ПЛАН ДЕКАБРЯ на график Метростроя, в начале данный на 850 вагонов, распоряжением РН от 8/XII СНЯТ ПОЛНОСТЬЮ с 9/XII ПО ВАШЕМУ УКАЗАНИЮ депешой ЦДРВ 12/214. Таким образом дорога была обязана отгрузить в декабре 219 вагонов, а отгрузила 310. ПЛАН ВЫПОЛНЕН НА 142 ПРОЦ.

Отсюда можно судить о моей грамотности и политической зрелости без вразумления политического руководства.

Д ЛЕРМОНТОВ.

Есть документы настолько ясные и понятные, о которых приятно говорить:

— Комментарии излишни!

Телеграмма члена коллегии НКПС, начальника управления эксплуатации тов. ПОСТНИКОВА не принадлежит к таким документам.

— Комментарии здесь не излишни!..

Но комментировать эту телеграмму придется только соответствующими цитатами из речи тов. Сталина на XVII съезде партии.

С ЭТОГО НОМЕРА „КРОКОДИЛ“ ВЫХОДИТ В УВЕЛИЧЕННОМ РАЗМЕРЕ — 16 СТРАНИЦ. ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 40 КОП. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ИЗМЕНЯЕТСЯ, НАЧИНАЯ С 1 АПРЕЛЯ, И УСТАНАВЛИВАЕТСЯ В 1 Р. 20 КОП. В МЕСЯЦ.

М И М О Х О Д О М

ПРОДУКЦИЯ С ЗАПАХОМ

До всего доходит свой черед.

„АМИ ДЮ ПЕПЛЬ“, бульварная антисоветская газета парфюмерного фабриканта Коти, продается с торжов.

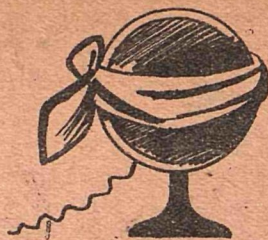
Это, к сожалению, не первый случай, когда испытанный парфюмер продает такой дурно пахнущий товар...

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ГЛАЗА

Целость расы требует большого к себе внимания. Так, в Японии

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ — „устранение косоглазия“ — запрещена специальным распоряжением властей в интересах „сохранения расового монгольского облика“.

Некоторые высказывания японских фашистов, по нашему мнению, значительно более говорят о сохранении древнего монгольского облика, чем ни в чем неповинный разрез глаз.

ПРЕСТУПНЫЕ УШИ

Новый вид преступления.

ЗА „ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ СЛУШАНИЕ СОВЕТСКИХ РАДИОСТАНЦИЙ“ арестованы хозяева и ряд гостей большого пансионата в Роттах (Германия).

Неосторожные люди! Как можно что-либо слушать в стране, где разрешено только подслушивать?..

ОРДИНАРНЫЙ СЛУЧАЙ

По сведениям парижских газет

старейшая газета Германии, основанная в 1860 году, — „Кенигсберг Гартунгше Цейтунг“ — обанкротилась и закрылась. Причина банкротства: резкое падение тиража после фашистского редактирования.

По этому поводу поэт Хафиз сказал довольно тонко:

— После стада в саду и трава не растет.

РЕВНИВЫЙ МУЖ, ИЛИ НОВОЕ ПЛАТЬЕ

Рис. и тема К. Елисева

На ряде текстильных предприятий слабо поставлена борьба за чистоту, и рабочие считают возможным вытирать руки о ситец.

ОН: — Скажи мне, кто это так постел тебе?..

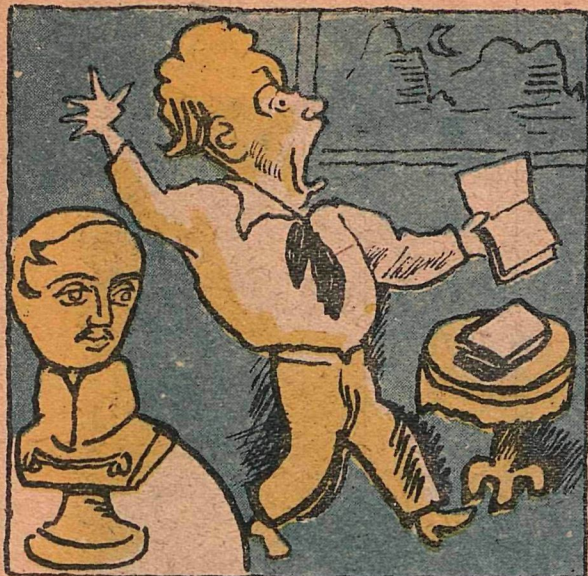
ОНА: — Большая ивановская мануфактура...

ЛЕГЕНДА СЕДЫХ ВЕРШИН

(Из приключений романтика Паша Букетова.)

Новелла Я. Бельского

Рис. А. Радакова

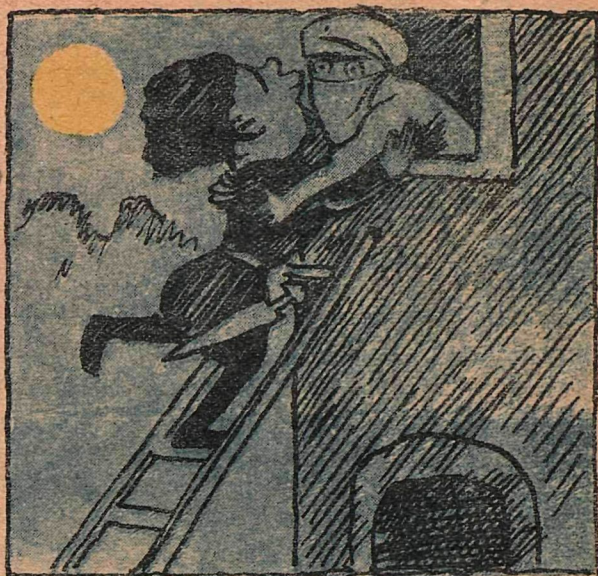
Паша увлекался Лермонтовым. Лавры Печорина лишили его сна.

— К черту силосные башни! — кричал он в экстазе. — Вот башня царицы Тамары, это башня!

И Паша Букетов решил расстаться с сумеречными буднями городов. Взяв где-то аванс под незаконченную пьесу, он ринулся навстречу дымным ущельям, снежным вершинам и черноокиим черкешенкам Кавказа.

В каком-то курортном городишке Паша достал у бродячего фотографа полный черкесский костюм. Взяв напрокат лошаденку, он ринулся туда, где в закатное небо упирались вершины, покрытые вечными снегами. И он увидел ее, волшебную гурию гор. Она была стройна, как тополь, и глаза ее горели неземным огнем. Сердце Паши заколотилось неровно, как будильник Точмеха.

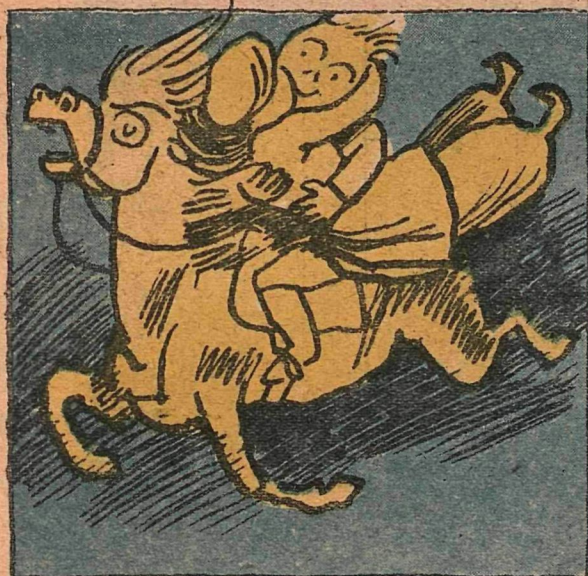

В полночь, когда лунный диск вырвался из дымных ущелий и повис на синем небе, Паша, презрев опасность, пришел к ней.

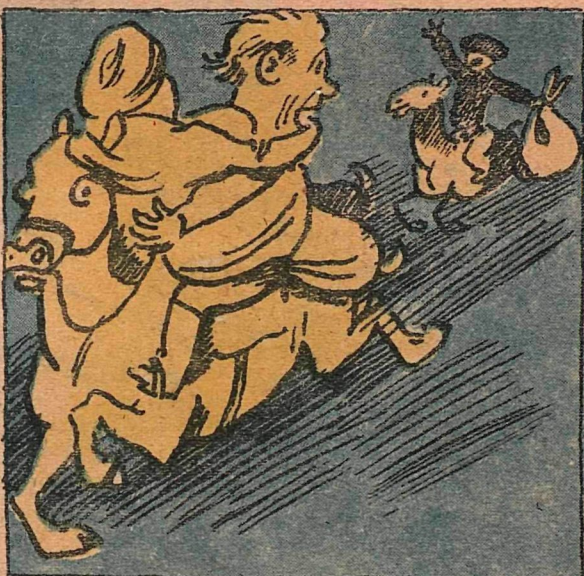
— Бежим! — сказал ей Паша сдавленным шопотом. — Горячий конь нас ждет у ручья. Я силен и донесу тебя на руках...

— Зачем бежать? — ответила она. — Уйдем так. Мужа дома нет...

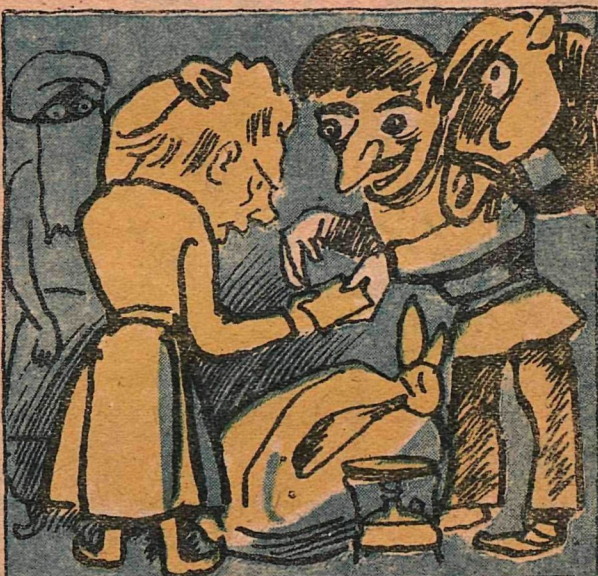
— Уйти так неинтересно, — сказал Паша. И они бежали...

Могучий аргамак мчался по горным тропам быстрее вихря. Он был голоден и рвался в родную конюшню. Паша сжимал в железных объятиях драгоценный груз. Но, чу! Паша явственно услышал позади конский топот.

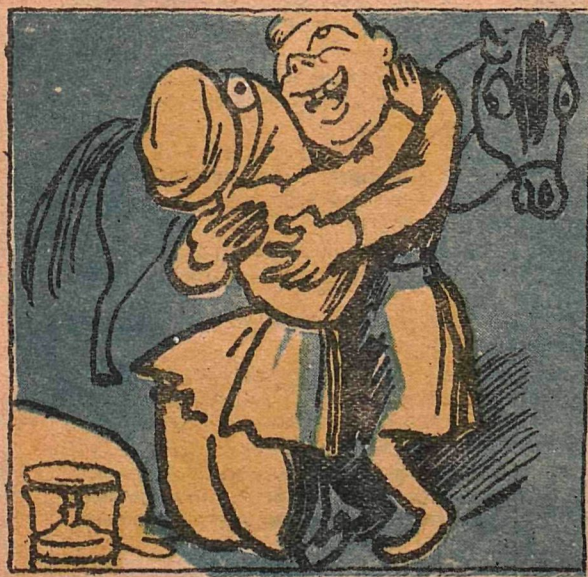

— Мы погибли, — сказал он, — за нами погоня. — Это муж, — прошептала она, — приготовь кинжал! Паша рванул из ножен кинжал, и он не блеснул в лучах месяца, потому что был деревянный. И на резкий окрик „стой!“ Паша осадил взмыленного коня.

— Извиняюсь, дорогой, — сказал муж похищенной Эюлейки — Вы с моей женой любите друг друга, пожалуйста! Мы, комсомольцы, считаем женщину свободной (он был, между прочим, членом ВЛКСМ и председателем колхоза), вот ее труднижка, где очень мало трудодней, примус и другие вещи. Забирай и будьте счастливы... Таких жен нам теперь не нужно.

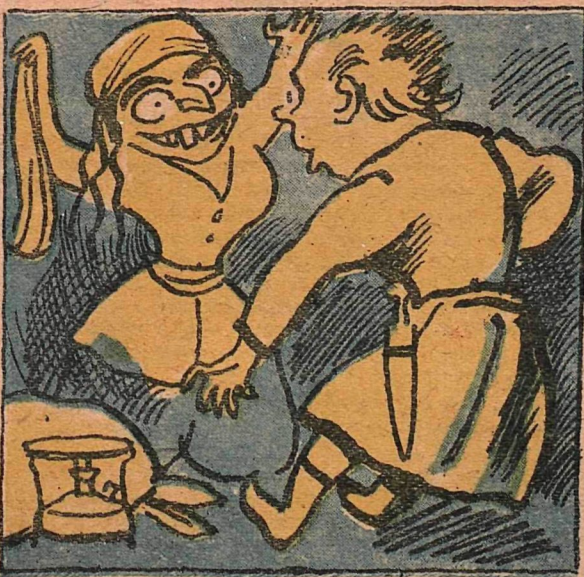
Муж вскочил на коня и ускакал в горы.

Паша был потрясен. Как все это обыденно прозвучало на фоне кавказских гор...

„Но, ничего, — подумал Паша, — черкешенка ведь настоящая!“ — и сказал.

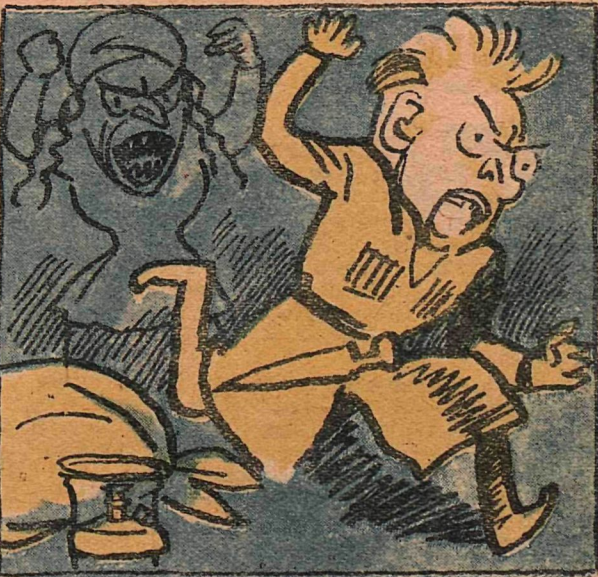
— Милая, мы с тобою вдвоем у подножия этих гор. Сними чадру. Брось этот глупый пережиток для меня...

— Хорошо, — ответила она, — я теперь твоя навеки. Я сниму чадру.

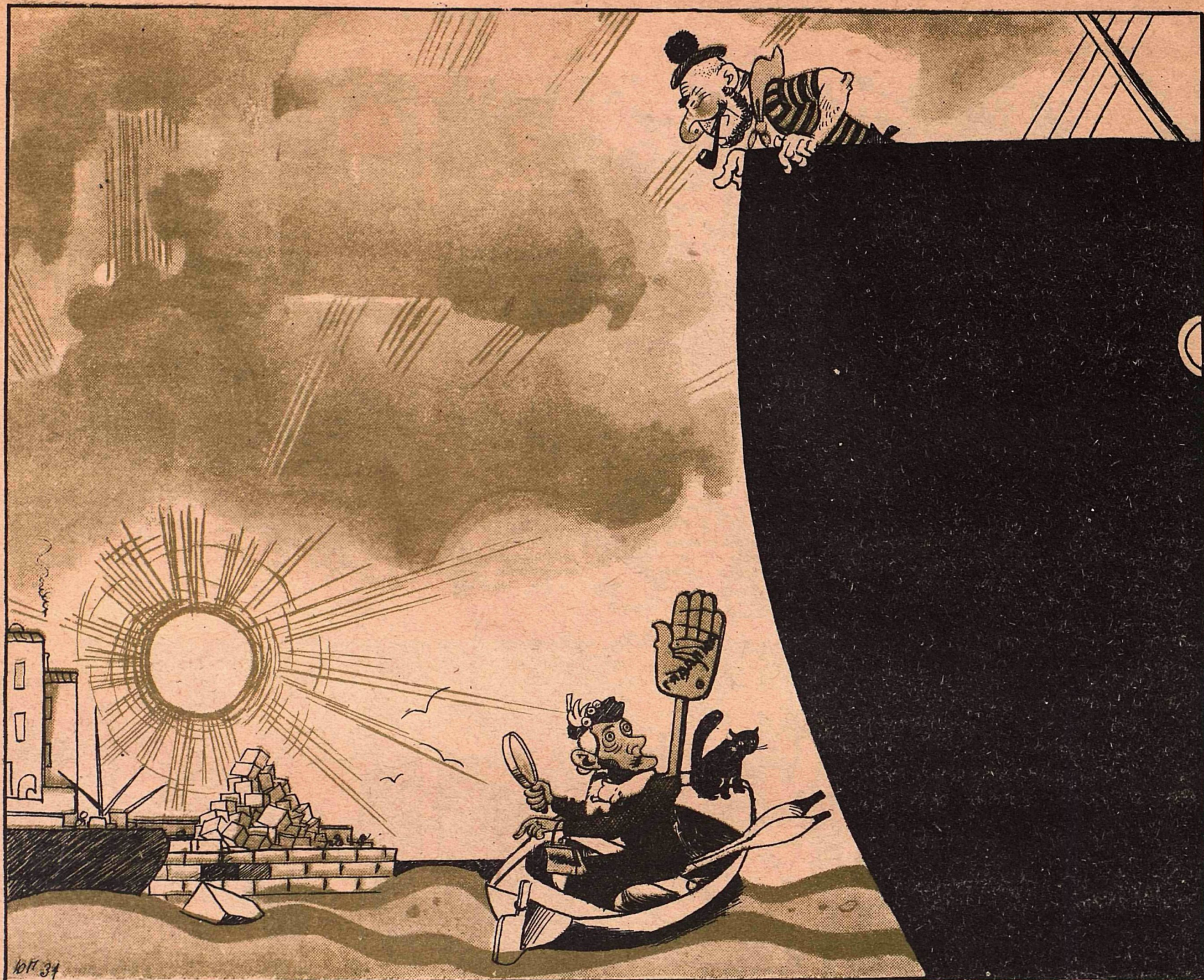
И он увидел ее, озаренную серебряным светом полной луны. Но что он увидел... Об этом лучше не писать. Он понял, почему она упорно держалась глупого пережитка...

— Трудно! — закричал он, как лев. — Почему мало трудодней!

Паша решил к чему-нибудь придраться и бежал вслед за коном, который давно все понял и удрал, не ожидая роковой развязки.

Сверкал месяц. Серебрились вершины гор. Но лермонтовской романтики не было. Это был не тот Кавказ, не тот черкес и не та Эюлейка. И сам „Герой нашего времени“ был героем не нашего времени.

— Ты что это над водой гадаешь?

— Самое место: здесь потоплено десять буксиров с кофе.

(Тема Я. Бельского)

СТРАДАЛИЦА

Она вошла, как дирижабль, в кабинет ответственного партийного товарища, бросила на письменный стол большой кожаный саквояж и страдальчески опустила в кресло. На ресницах у нее повисли слезинки, щеки побледнели и затряслись, и даже в складках спины почувствовалась определенная грусть.

Она заломила руки и патетически заговорила:

— Товарищ, я прошу у вас помощи. Я — жертва. Я требую, как человек и женщина. Где мое Я? Я спрашиваю вас, где мое Я?

Ответственный товарищ удивился. Адрес пропавшего „Я“, повидимому, не был в точности известен ему.

— Кто же собственно вас обидел? — сочувственно спросил ответственный товарищ.

— Мой муж. Он изверг. Он — Навуходоносор. У него идеология готтентота. Спасите меня!

— Что же он сделал с вами? — снова спросил ответственный товарищ.

— Спросите лучше, чего он не делает со мной? Он — негодяй. Он груб, как бревно. У него нет ни малейшей чуткости. Он не понимает изгибов тонкой женской души.

— И давно это с ним? — удивился ответственный товарищ.

— Всегда. В годовщину нашего брака он с утра ушел из дома и до двух часов ночи сидел на каком-то дурацком совещании. Он не помнит дня моего рождения, иногда он целыми днями не говорит со мной или отвечает невпопад. На днях я спросила его: что больше идет мне — синий креп-де-шин или голубой

фай? И он отвечает: „Положи мне один кусок, я не люблю сладкий“. Он не знает даже точно, какие у меня глаза. Как по-вашему? Какого цвета мои глаза?

Ответственный товарищ посмотрел и нерешительно сказал:

— Мм, кажется, голубоватые или скорей сероватые.

Гражданка всплеснула руками.

— То же самое говорил и он. А у меня глаза зеленые, зеленые, вы понимаете. Но вам я могу извинить. Вы видите меня первый раз. А он вель мой муж. И все это проделывается при детях. Какое у них может быть уважение к своей пролетарской матери. Дети дерзят, хамят. Они берут пример с него. И потом я думаю, он мне изменяет. Каждый вечер он пропадает на каких-то заседаниях и собраниях. Конечно я проверяю его и звоню во все эти учреждения. Однако я подозреваю, что у него всюду свои люди. Они отвечают мне голосом, похожим на его голос. Он очень хитер. Но я его поймаю.

Ответственный товарищ посмотрел на часы. Женщина понизила голос и наклонилась к собеседнику:

— Кроме того, он — оппортунист. Он не выпячивает директив. А что он делает? Он даже гортовскую книжку прозевал, ордера никогда не достанет. Приносит в дом только идиотские толстые книги и газеты. Он моего мопса голодом заморил. Он — фашист. Сделайте ему выговор. Заставьте его быть чутким. Я требую. Я — женщина и мать!

Гражданка посмотрела на ответственного товарища, слегка всхлинула и сквозь слезы продолжала:

— Я вам могу привести еще сотни таких же фактов.

— Не надо, — мягко ответил ответственный товарищ. Что касается вашего мужа, мне все совершенно ясно.

— Ну конечно, с удовлетворением сказала гражданка, — я знала, что вы поймете меня. Вы такой чуткий. О вас мне столько говорили!

— Я бы хотел знать еще кое-что, — задумчиво продолжал ответственный товарищ, — сколько лет вы замужем за вашим мужем?

Гражданка вздохнула:

— 12 лет. Вы подумайте только, — 12 лет я терплю от этого ужасного человека. 12 лет. Что вы скажете о нем, об этом разложившемся морально субъекте?

Ответственный товарищ покачал седой головой и, пристально смотря на посетительницу, тихо сказал:

— Гм... я скажу вам, гражданка, одно: ваш муж — святой человек.

Ответственный товарищ посмотрел на часы. — Я слушаю вас всего 12 минут и уже не в состоянии больше вынести. Не могу себе представить, как он выносит вас 12 лет.

Гражданка вскочила. Бледность щек заменилась свекольным румянцем. С ненавистью смотря на ответственного товарища, она зашипела:

— Вы такой же, как и он. Вы все такие. Вы деревянные люди. У вас нет никакой чуткости. Я вас терпеть не могу!

Схватив со стола кожаный саквояж, гражданка выплыла из кабинета, оскорбленно и гордо закинув голову.

БЕН-ГАЛИ

4702

А. ХИ
2. МАР 1934
Г. Ц. К. П.

„Они приходили в телячий восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов,—значит не будет классовой борьбы,—значит не будет забот и тревог,—значит можно сложить оружие и пойти на бокковую спать в ожидании пришествия бесклассового общества“.

(И. В. Сталин, Отчет на 17-м. партсезде)

Рис. и тема К. Рогова

ТЕЛЯЧИЙ ВОСТОРГ